

61403

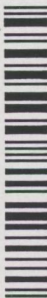
Р.КИМ
—
ТРИ
ДОМА
НАПРОТИВ
СОСЕДНИХ
ДВА

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА · 1934

ЦЕНА 1 р. ~~30~~.
ПЕРЕПЛЕТ 50 к.

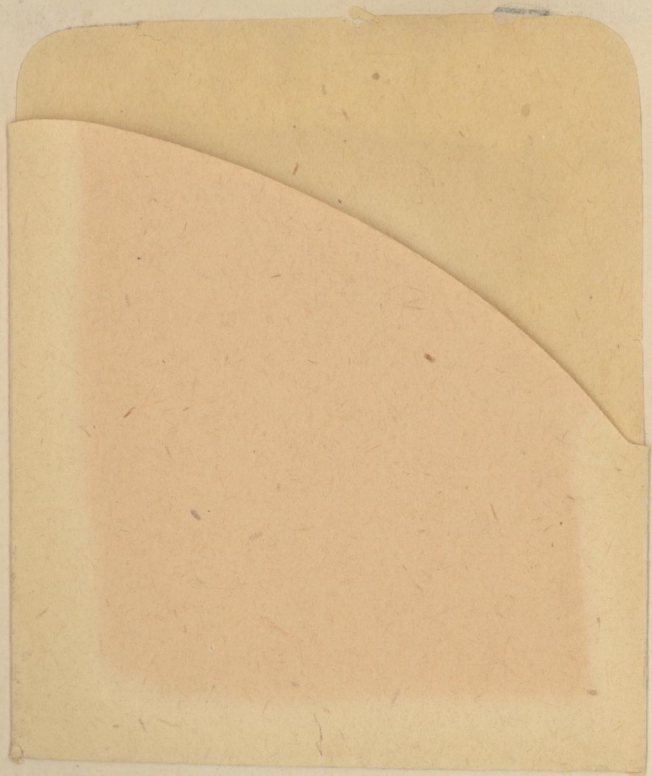
СКЛАД ИЗДАНИЙ
СЕКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ КОГИЗА
МОСКВА, Б. КОЛОБОВСКИЙ № 2

V.N. Karazin Kharkiv National University

01227915

5

Р. КИМ

С. 34

Т Е И Д О М А
Н А П Р О Т И В
С О С Е Д Н И Х Д В А

95 Р. КИМ 34

ТРИ ДОМА
НА ПРОТИВ
СОСЕДНИХ ДВА

(Описание литературной Японии)

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Інв. № 6/403

✓45
ВСЕУКРАЇНСЬКА АСОЦІАЦІЯ
МАКСИМОВИЧІВ

БІБЛІОТЕКА
146672

Проверено
ЛГБ. 1934

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1934 D-2

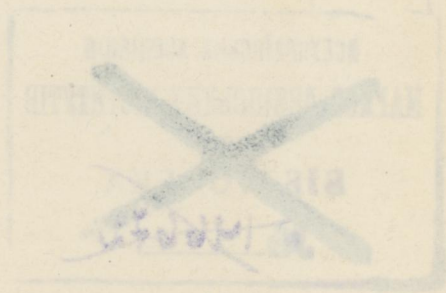
58 64

Р. КИИ

СОСРЕДНХ ДВА
НАПРЯТН
ТН ДОМА

(Состояние расследования (Состояние))

ВОЗВРАЩАЮЩИЙ
УДА. КИИ
20/1/1937

МОСКВА
СОБЕТСКАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
1937

82

Война, длившаяся много веков, была закончена ко второй половине девятнадцатого века. Географам-фактовикам удалось шаг за шагом отвоевать весь мир у географов-выдумщиков. Земной шар был открыт почти без остатка.

Географы-выдумщики вели свою родословную от Геродота, описавшего в своих путевых очерках никогда не стареющих гиперборейцев и невров, которые умели превращаться в волков; от Ктесия, подробно изобразившего диковинно-неприличное телосложение индийских пигмеев, и от китайских логографов — авторов многотомных описаний флоры и фауны никогда не существовавших островов. Древнекитайские очеркисты так внушительно ввали, что император Вуди даже снаряжал специальные экспедиции на эти острова.

Власть географов-выдумщиков держалась до тех пор, пока на картах были белые пятна неведомых земель, пороки географического невежества. Белые пятна быстро таяли одно за другим, и к середине девятнадцатого века на глобусах осталось из них только два — полюсы.

Мир был разгадан, открыт, но не до конца. На Тихом океане еще оставалась страна, которая никого не подпускала к своим берегам, а неосторожные корабли пугала выстрелами из бомбометов допотопной системы на соломенных станках.

✓ Дело в том, что в начале XVII столетия правительство этой страны издало манифест: навсегда, навеки страна объявляла себя отделившейся от остального мира и закрывала свои двери. Крохотная щель была оставлена только для китайских и голландских купцов, которые, просовывая стеклянные изделия, парчу и штуцеры через нагасакскую бухту, передавали контрабандой сплетни о белом свете. По некоторым данным, в порядке сугубого исключения, в 1709 году в столицу страны—город Эдо—был допущен английский капитан, некий Гулливер, ехавший транзитом из Лагннегга. Но этот факт, сообщенный одним ирландским поэтом, требует научной проверки.

Все попытки завязать сношения с Японией кончались неудачей. Она упорствовала в своем грандиозном бойкоте. В мемуарах сьогунского премьер-министра конца XVIII века, Мацудаира, сообщается, что считались предосудительными даже разговоры о чужих кораблях, проходящих в открытом море.

НЕОПРАВДАВШИЕСЯ ПРОГНОЗЫ

В августе 1853 года в порт Нагасаки вошли четыре русских судна во главе с фрегатом, на котором развевался адмиральский вымпел. Адмирал имел в своем распоряжении, кроме шестидесятифунтовых бомбардировочных орудий и музыкального ящика, дедушки нашего патефона, комплект убедительных аргументов—уговорить чужаков вернуться на земную планету.

Однако дипломатическая звезда адмирала быстро потускнела над нагасакским рейдом. Местный губернатор и его чиновники кланялись, улыбались, угощали русских вареными пронсами, ланью и како-фигами, терпеливо слушали музыкальный ящик, сосали наливку, но, когда речь заходила о деле, честно изображали из себя тугоухих или слабо-

умных. Не подействовал даже один из козырных ходов адмирала — показ тревоги на батарейной палубе с пальбой из пистонов: японцы ограничились тем, что изобразили испуг, а один из чиновников, особенно вежливый, упал в обморок.

Музыкально-шумовая дипломатическая конференция продолжалась с антрактами до января 1854 г. В конце-концов адмирал плюнул, выругался по-морскому и приказал поднять якоря.

«Паллада» и ее подчиненные ушли из Нагасаки, а секретарю адмирала пришлось, вместо составления досье об успешных переговорах, заняться переписыванием первых глав дневника «Русские в Японии».

Сьогунские чиновники не смогли перешагнуть через свой страх перед западными варварами, в особенности перед русскими.

Во время нагасакской стоянки адмиральский секретарь писал в своем дневнике:

«Уж этот мне крайний Восток; пока, кроме крайней скуки, толку нет!»

«Мой дневник похож на журнал заключенного, не правда ли? Что делать! Здесь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасна, человек смышлен, ловок, силен, но пока еще не умеет жить нормально и разумно».

Пейзаж, который впоследствии заставит Лафкадио Хэрна принять японское подданство, а посла Клоделя пойти на ряд дипломатических уступок, показался петербургскому скептику неправдоподобным, разрисованной декорацией, «непохожей на действительность».

Больше всего огорчили сердце секретаря сами японцы, которых он видел на палубе фрегата и на берегу гавани.

Старики-чиновники никакой симпатии, никакого сожаления не внушали. Опереточные бюрократы в штофных юбках, с безобразными косичками на макушке, были безнадежны. Но молодые переводчики — ондертолки-юноши, с дикой завистью смотревшие на книжные полки в кают-

компании и на пушки, украшавшие палубу фрегата, вызвали снисходительное сочувствие писателя.

«Нарабийоси 2-й (искаженное — Нарабаяси.—Р.К.) со вздохом сознался, что все виденное у нас приводит его в восторг, что он хотел бы быть европейцем, русским».

«Кто победит: Нарабийоси второй с его тягой в мир, или нагасакский губернатор в вердепомовых наплечниках?»

Гончаров грустно покачал головой и, вызвав в памяти тоскливые глаза молодого переводчика, написал в дневнике:

«Бедный, доживешь ли ты, когда твои соотечественники, волей или неволей, пустят других к себе или повезут своих в другие места?»

Гончаров не верил в счастье Нарабаяси и его сверстников. Прощаясь с японскими берегами, он был уверен в том, что сьогун еще долго будет держать страну взаперти, а Нарабаяси так и умрет в должности портового толмача.

Трудно строить верные прогнозы с борта фрегата. Корабли — плохие вышки для политико-экономических наблюдений. Две-три прогулки по торговым кварталам главных городов и одна экскурсия в деревню излечили бы писателя от пессимистической риторики.

В Эдо благородные самураи с наступлением темноты, обвязав лицо полотенцем, тащили в ломбарды фамильные мечи и доспехи, а их сюзерены — даймьо — выпускали бумажные деньги, обеспечивая чем попало, даже зонтиками из промасленной бумаги. Погонщики волов на Токайдо-приморской дороге устраивали забастовки по всем правилам, а в Нагато сыновья разорившихся крестьян уже собирались поступать в так называемый «Отряд удивительных воинов» — боевую дружину мелких самураев и городского плебса.

Пантомимы в театре Кабуки вызывали большой трепет, нежели уличные шествия сьогунa со своей свитой.

МИФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Через десять с лишним лет после отплытия Гончарова самурайские юноши, одноклассники Нарабаяси 2-го, захватили дворец сьогуната в Эдо и аннулировали декрет о бойкоте. Эта акция группы самурайских прапорщиков из юго-западных провинций была торжественно названа «обновлением праздника» эры Мэйдзи.

Если у вас есть учебник истории Японии, изданный с санкции японского министерства народного просвещения, ни в коем случае не кладите его на полку, где у вас книги по истории. Кладите его на полку художественной литературы и непременно рядом с «Калевалой», «Песнями западных славян» Меримэ, фальшивками Чаттертона, Библией и Гомером. По части достоверности и аутентичности официальная история Японии не будет отличаться от своих соседей по полке.

Японские гимназисты проходят основательно курсы химии, физики, биологии и математики. Они обязаны еще усвоить несколько тысяч иероглифов. Чтобы смягчить эту непомерную мозговую нагрузку, им преподается отечественная история по учебникам, в которых деловито сообщается, что предки ныне царствующей династии свалились с неба, что первые императоры царствовали по сто лет и т. д. Японское министерство просвещения не разграничило до сих пор мифологию от истории, потому что мифотворчество продолжается. Мифы продолжают фабриковаться на кафедрах истории.

Одним из мифов, созданных во второй половине XIX века, является история мэйдзийского переворота 1868 г. Профессора императорских университетов, в том числе и «легальные марксисты» из либеральных приват-доцентов, доказывают, что этот переворот обновил страну с ног до головы, ликвидировав феодализм без остатка, что он был «буржуазной революцией». Жертвой мифа пало немало авторитетнейших европейско-американских японоведов.

На деле же никакого уничтожения феодализма, никакой буржуазной революции в 1868 году не произошло. Переворот заключался в том, что на деньги осакских и кьотоских ростовщиков был проведен капитальный ремонт феодализма, который начал было расползаться от развития товарно-денежных отношений, от крестьянских восстаний и от дыма рыскавших у берегов иностранных эскадр.

В рядах феодальной бюрократии происходит перетасовка. Съюгуна увольняют в отставку с сохранением мундира и с пенсией. Власть переходит в руки группы предприимчивых молодых самураев, не умевших говорить на столичном наречии. Перестроив свои ряды, феодальная бюрократия берет шефство над торгово-ростовщическими домами, завязывает родство с купеческой верхушкой, разрешает ей начать скупку земель, создает самурайско-купеческую акционерную компанию под названием «японский капитализм» с номинальным директором — императором и правлением, состоящим из представителей феодальной бюрократии с решающим голосом и представителей купечества с совещательным.

Все свелось к обновлению фасада токугавского феодализма и к решительному открытию страны для западной культуры (в возможность чего не верил Гончаров и что было действительно актом революционного стиля), чтобы как можно скорее подпереть деревянную архитектуру феодализма фабричными трубами, банковскими сейфами, мортирами и броненосцами. Новая власть начинает бешено навестрывать почти трехвековой гандикап.

Через год после появления первых глав «Обрыва», была установлена телеграфная линия Петербург—Нагасаки. Еще через год—декрет о запрещении носить косички на голове. Через три года сквозь рисовые поля Токио-Иокогама заковылял бестеркейтоновский паровоз и был издан указ о введении фраков в парадный обиход, вместо штофных юбок и халатов с гербами. Еще через год, в 1873 г., правительство

разрешает японцам родниться с европейцами, т.-е. мешать кровь потомков богов с кровью правнуков органутангов.

Первое десятилетие было истрачено на усвоение внешнего реквизита западной цивилизации: телеграф, газ, локомотивы, спички, прически на пробор, галоши, бормашины, станки для печатания ассигнаций, крупповские гаубицы..

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОМПРАДОРЫ

В смысл переворота были посвящены только сами участники, казначей-хозяева ростовщических фирм Осака и Кьото

Масса же низовых самураев, мелких купцов и мелких землевладельцев, усердно читавшая первое время широко-вещательные манифесты правительства о радикальном обновлении Японии и о начале новой эпохи, быстро вступает в фазу разочарования.

Это же разочарование по поводу результатов мифической революции охватило появившиеся вскоре первые кадры европеизированной интеллигенции. Эти кадры вышли из рядов деклассированного низового самурайства и мелкой буржуазии городов и деревень. Прочитав в оригинале европейские книги о том, как на Западе делались революции в пользу третьего сословия, пионеры японской интеллигенции начали фрондировать под знаменем либерал-оппозиции. Учреждается весьма солидный литературный агитпроп, в первую очередь для активного использования западных классиков, в первую голову — Сервантеса, Шиллера, Шекспира, Дюма и Пушкина. Лидеры либерал-оппозиции — публицисты — берут на себя роль литературных компрадоров.

Утро японского либерализма было очень веселым и многообещающим.

В ресторанах, на витринах которых было написано «Дзиютэй» — ресторан «Свобода», подавали пирожное, называвшееся «Дзию-бандзай» (Да здравствует Свобода); в

парикмахерских, украшенных вывеской «Дзиюкэн» (домик Свободы), употребляли после бритья полотенца «дзию-тэ-нугуи» (полотенце Свободы). В одной новелле из «Дон Кихота», по воле переводчика, появились Мадзини и Гарибальди, «Юлий Цезарь» Шекспира вышел под названием «Последний меч удара Свободы», «Вильгельм Телль» Шиллера был переименован в «Стрелу Свободы», а «Иосиф Бальзамо» Дюма был выпущен в качестве беллетризованного учебника-справочника по созданию тайных политических организаций и по технике конспирации.

Чтобы возбудить героико-романтические эмоции у своих политединомышленников, компрадоры решили принять услуги русских классиков. [✓]«Капитанская дочка» выпускается под заглавием «Сердце цветка и думы бабочки: удивительные вести из России», Гринев был переименован в мистера Смита, а Маша — в Мэри. «Война и мир» получает более поэтическое название: [✓]«Плач цветов и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе» и более портативный вид — переводчик пояснил в предисловии: «В виду того что оригинал местами очень длинен и растянут, я там, где это было нужно, сокращал».

Либерал-оппозиционеры не ограничились переводами, — они занялись самостоятельным творчеством. Публицист Суэхиро в предисловии к своему роману «Слива в снегу» говорит: «Многие обстоятельства нашего времени взволновали меня, и я решил в форме любовного повествования описать существующее политическое положение». Будущий несменный парламентарий и министр, Одзаки Юкио, выступил с литературной декларацией: «Превратить себя в беллетриста, раскрывать свое сердце и душу в цветах, в воде, луне и таким образом заставить свой голос с легкостью дойти до ушей всех — такова сейчас обязанность наших политических деятелей» ¹.

¹ См. обо всем этом в статье проф. Конрада в «Проблемах литературы Востока» (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. 1932 г.).

Творения этих компрадоров и публицистов-беллетристов кажутся теперь писаниями не совсем нормальных людей, ибо они перемешивали дословный перевод с английского с патетическими рифмованными пассажами в духе китайской и японской классической поэтики. Получалось варево более причудливое, чем новелла о бригаде ударников-комсомольцев в колхозе, написанная вперемежку в стиле «Телемахида» Тредьяковского и передовиц «Соц. земледелия».

Роль компрадоров западной литературы эти первые пропагандисты японского либерализма сыграли прекрасно. Они подняли семафоры для новой, европеизованной японской литературы.

ПОДДАННЫЕ ДЭКАНСЬО

На следующий год после смены правительства в Эдо, переименованном в Токио, была открыта Высшая школа. В длинном оштукатуренном доме полувосточного стиля с черепичной крышей стали спешно выращивать специалитов по всем отраслям, европейцев «made in Japan» — эстафетные группы японского капитализма для погони за Европой.

Великовозрастные сынки захудалых деклассированных самураев и наследники мелких купцов и помещиков в засаленных халатах и рваных юбках по утрам слушали заморских лекторов, а по вечерам, ошалелой гурьбой шляясь по переулкам квартала Хонго—токийской Козихи, пугали окрестных жителей только-что вызубренными спряжениями немецких глаголов и зауемью из «Nursery Rhymes». Вскоре рождается бессмертная студенческая песня, японский гаудеамус с воинственным припевом:

Дэкансьо, дэкансьо-о-дэ,—
Хантося ку! расэ!
Коря-коря!
Атоно ханто-о-о-ся-а
Нэтэ ккурасэ!

Йои-Йои! Дэккансьо!

✓ Песня означала:

Дэкансьо, дэкансьо —
Живи полгода этим!
Остальную половину
Проводи во сне!

Таинственное «Дэкансьо», которое старушки принимали за имя западного божества, являлось просто сокращенным обозначением европейской премудрости: ДЭ-карт, КАН-т, ШО-пенгауэр.

В конце семидесятых годов из ворот Высшей школы начинают выходить первые партии интеллигентов с университетскими дипломами. Их предшественники компрадоры-либералы были в большинстве своем самоучками или выходцами из конфуцианских хедеров.

Выходили из университетских ворот, изнемогая от уважения к себе. Вся страна смотрела на них, японских «европейцев», на представителей западной цивилизации, аккредитованных при Японии.

Они вышли, чтобы принять страну в свои руки, организовать власть ученых, платоновское идеальное государство на Тихом океане.

✓ В 1880 г. состоялся первый выпуск по словесному отделению кандидатов филологии. В стране не было еще ни одного профессора, и титул «кандидат таких-то наук» звучал в несколько раз больше, чем звание академика сейчас у нас на северном Сахалине.

Ровно через пять лет после дипломирования абитуриентов возникает новая литература в университетском квартале.

Аудитория новой литературы составила исключительно из обитателей этого квартала — подданных Дэкансьо, дипломированных интеллигентов.

Первый в истории Японии литературный журнал-официоз «Сообщества друзей тушницы» продавался у ворот Токьо-ского университета. У ворот стоял самолично глава «Сообщества», недоучившийся студент Одзаки, с пачкой сбор-

ников литературных упражнений и предлагал прохожим поддержать симпатичное начинание — литературу европеизованной Японии.

Самурайский переворот 1868 г. был проведен руками юношей. Только одному — главкому войск — было сорок лет, большинство же состояло из двадцатилетних.

Поэтому заседания кабинета министров в первые годы не доставало солидности. В виду частых случаев рукоприкладства среди министров, пришлось издать специальное законоположение о суровом взыскании за физическое оскорбление члена правительства. Декрет был сейчас же обойден. На очередном заседании одному министру очень не понравился доклад его коллеги по кабинету. Исчерпав все словесные аргументы, он привычным жестом схватился за излюбленный довод — кресло. Докладчик с презрительной улыбкой кивнул на текст декрета, висевший на стене. После секундного раздумья оппонент вдруг прыпнул и изо всей силы стукнулся своей головой о череп противника. Декрет о физическом оскорблении не мог вступить в действие, так как шишки были одинакового размера.

В роли зачинщиков литературы университетского квартала выступают такие же зеленые юнцы — самому старшему было двадцать девять лет.

Они чувствовали себя миссионерами в стране людоедов и огнепоклонников. Вчерашние обыватели феодальной монархии, только-что срезавшие косички, были недостойны звания читателя новой литературы. Эти обыватели признавали только кабуки на подмостках и на страницах книг — самурайские авантюры и мелодрамы, доступные пониманию каждого, кто знал каких-нибудь сто иероглифов и национальную слоговую азбуку.

Аналогия между правителями страны и зачинателями новой литературы не ограничивается возрастом.

Самурайские юноши 1868 г., расположившись во дворце, сменив наплечники на вицмундирные ризы, образуют замкнутую военно-бюрократическую касту из двух феодальных

кланов: выходцев с юго-запада Японии — провинций Нагато и Сацума.

Все генералы, адмиралы и министры японо-китайской и японо-русской войн состояли целиком из уроженцев двух провинций. Если и делались исключения для некоторых, чтобы подтвердить правило, то только путем исправления метрики: имевших неприятность родиться не в Сацума и Нагато, но заслуживающих выдвижения, объявляли «вице-уроженцами» этих провинций. До сих пор газеты и журналы говорят: генерал или министр такой-то является дзюн-сацумцем, т. е. вице-сацумцем ¹.

Сацумцы и нагатосцы, чтобы закрепить монополию на эполеты и на ордена Утреннего солнца и Большой хризантемы, решили по примеру культурных стран Запада завести сословие титулованных аристократов. В 1884 г. в один прекрасный день население Японии было оповещено об учреждении пяти разновидностей пэрства: баронов, виконтов, графов, маркизов и принцев. Пэрами было объявлено пятьсот пять японцев, все главы двух кланов юго-запада записали друг друга в золотой список.

Дипломированные интеллигенты тоже создают строго замкнутую корпорацию. Возникает обычай учреждать общества одновыпускников — эта традиция сохранилась до сих пор, распространившись даже на гимназисток и слушателей зубоврачебных курсов.

Организаторы новой литературы, строго ограничив свою аудиторию по кастовому признаку — только для квалифицированных интеллигентов, а не для недипломированного плебса — бывших сьогунских подданных, образовали клан, состоящий из подкланов: а) «Сообщество друзей тушниц», б) группа «Красных ворот» — питомцы императорского университета и в) группа «Васэда» — питомцы Васэда-ского университета.

¹ Предупреждаю японистов: «Дзюн» это не тот, который идет по ключевому знаку «нить» и значит «чистый», а тот, который — по ключу «вода».

Организационная деятельность литераторов из университетских кварталов началась таким образом с возведения клановой изгороди. Кастовость делается кардинальной чертой их литературы.

КАСТА «ПРЕЖДЕРОДИВШИХСЯ»

К концу девяностых годов XIX века молодые люди, вертевшиеся около университетских ворот с ученическим журнальчиком, носившим скромное название: «Барахольная библиотека» (Гаракута-бунко), превращаются в полноправных мэтров, окруженных учениками-подмастерьями.

Не только ученики и знакомые, но и хозяева издательств и редактора, произнося имя мэтра, прибавляют: «Сэнсэй», т.-е. «преждеродившийся» — учитель.

Литература воспринимает все типичные черты классического феодального удела с той только разницей, что во главе ее стоит не даймьо, а корпорация «преждеродившихся». В их руках находились все пути в «ведущую литературу», так же как все дороги в правительство проходили через две провинции.

Обход застав был невозможен; не имеющего рекомендации визы от преждеродившегося не пускали дальше раздалки издательств и редакций.

Возникает церемониал прохождения в литературу, неписанный регламент для писательской аспирантуры, которая делилась на две категории: 1) студенты императорского и васэдаского университетов и 2) не-студенты.

Первые, поступив в университет, начали работать в рукописном журнальчике, потом по рекомендации старших коллег являлись к одному из кончивших этот университет мэтров с просьбой принять в ученики. Ученичество длилось до памятного дня, когда мэтр, перестав выправлять их рукописи, выдавал пропуск на страницы центрального литературного ежемесячника.

2 Р. Ким
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВ.
БИБЛИОТЕКА Х.Д.У.
Ин. № 6/403.

Вторым — не-студентам, приходилось тратить больше энергии. Их путь проходил через переднюю мэтра в буквальном смысле слова.

«Литературные юноши эпохи Мэйдзи (1868—1912), имея за пазухой рукопись, стучались в ворота крупных мастеров, становились их учениками, носили им воду, кололи дрова и, поселившись в комнатухе, рядом с передней, проходили учебу. Они давали учителю свои рукописи, чтобы он исправил их кистью, смоченной красной тушью, и затем становились литераторами».

«Посредством этой патриархальной, сохранившей этикет феодальной эпохи, семейной связи между учителем и учеником выдвигались в литературу молодые писатели». (Из статьи критика Кандзаки Кийоси о мэйдзийской литературе в журнале «Синсьосэцу»).

Принадлежащий к категории непривилегированных и ставший в начале XX века одним из первостатейных мэтров — Хасэгава действовал следующим образом.

Первый роман он выпустил не под своим именем — на обложке стояло имя его учителя. Обложку его второй книги украшает то же имя, но на фронтисписном листе, рядом с псевдонимом мэтра Цуботи, было как бы украдкой поставлено имя автора. И только с третьей книги Хасэгава перестал пользоваться маркой своего наставника.

Главными воротами славы в первое время был ежемесячник «Друг народа»: тот, чья вещь попадала в новогодний или августовский номер, становился полноправным мэтром, т.е. «известным писателем». Понятие «известный» изображается комбинацией двух иероглифов: имеющий имя. Получивший имя сейчас же выезжал из передней шефа и, сохраняя в отношении его вассалитет, заводил собственный штат литературных мальчишков.

По мере увеличения числа мэтров растет суета внутри клана литературы. К концу девяностых годов дерево клана становится очень ветвистым. Вместо трех групп, бывших вначале, приходится уже запоминать наизусть следующий список:

группа	«Друга народа»
»	мэтра Одзаки
»	» Юкита
»	» Хироцу
»	» Китамура
»	«Красных ворот»
»	Васэда
»	Сэндаги
»	Нэгиси.

Четыре последних группы носят имена кварталов. Изучающему японскую литературу надо иметь на столе справочник-путеводитель по Токио.

Наиболее влиятельной была группа «Красных ворот», состоявшая из дипломированных словесников — ядра литературного клана.

Когда в парламенте начались первые кошачьи концерты драки (в храме японской конституции на столике у каждого депутата стоит увесистая дощечка, на которой написано имя; эти дощечки весьма эффективно используются при рукопашных дебатах), когда депутаты из адвокатов и публицистов стали выступать против клановых кабинетов, в сфере литературы тоже возникает оппозиция.

Группа юношей, которым не привелось попасть в университеты, которым не хотелось таскать воду для профессоров и кандидатов филологии, начинает выпускать журнал-ик под лозунгом «Долой клан ученых людей в литературе!», где публикуется декларация:

Господам профессорам и кандидатам!

В литературном мире нет деления на благородных и плебеев, старых и молодых.

И аристократ с придворным чином и голый студент спорят между собой за первенство на основании своих творений.

Но у нас уже завелось так, что некие почтенные учителя, не профессор хвастливо подписывают свои произведения учеными титулами, как торговыми марками. Разве это не смешно?

Разрешите задать вам, господа, вопрос!

Неужели вы, почтенные учителя, не можете привлечь к читателей без золотой вывески?

Если это так, то вы поистине смешны.

Просим отныне прекратить эти жульнические вывески, растанные на то, чтобы поразить дураков.

Эта вылазка была подстроена обитателями квартала сэда, где находился частный университет, конкурирующий с императорским и не имевший права давать своим абитуриентам звания «кандидата наук». Васэдаская группа славилась своей крепкой сплоченностью. Недаром сложил поговорка, которую цитирует Пэрис — бывший секретарь английского посольства в Японии — в своем романе¹:

«Императорский университет создает министров, университет Кэйо — деньги, а Васэдаский — друзей».

Внутриклановая цеховая сплоченность между мэтрами подмастерьями считалась моралью сословия литераторов «Бунсидо», от слов: «бунси» (литератор) и «до» (путя). На Бунсидо покоилась система олигархии мэтров и кланизма.

Критик Хирабаяси, умерший несколько лет тому назад в Париже, писал:

Каким был до сих пор литературный мир?

Вертикально он составлялся из связей между мэтрами и учениками и связей по «альма-матер», а горизонтально из товарищеских протекций.

Печатные органы, где публиковалась продукция мэтров, были строго ограничены.

Выйти в литературу означало — занять один из уголков этих журналов на основе товарищеских протекций или связей между учителями и учениками.

В этом мире литературы царила своеобразная надмирная атмосфера. Внутри группы царствовали семейная сплоченность, теплая дружба. И в этой оранжерейной атмосфере вырасталась специфическая система морали литераторов — «Бунсидо».

Территория литературы мэтров в первое время ограничивалась университетскими кварталами. Затем в орбиту влияния вошли пригородные районы Токио, где в недорос-

¹ Сочинения Пэриса в Японии объявлены вне закона.

² Не путайте только с «бусидо» — моралью воинов.

С
емных особнячках разместились передовая прослойка интеллигенции — чиновники и салиримены, кончившие университет, и свободные профессионалы. Следующий этап: новая литература заводит колонии: мэтров начинают читать находящиеся провинциальных техникумов и гимназий. Рост территории внес дополнения в систему «вертикальных связей», так как выход в литературу через переднюю учителя или университетский коридор был доступен только тем, кто приходился в самом Токио.

На помощь провинциалам выступает почтовое ведомство. Литературные ежемесячники учреждают специальный отдел так называемых «бросаемых писаний» (бросаемых в почтовые тумбочки на улицах) для помещения литературных опытов провинциальных аспирантов. В качестве жюри приглашаются старшие мэтры, которые отбирают вещи для печатания и сопровождают их трехстрочными оценками. От резолюций мэтров зависела дальнейшая биография авторов: получивший несколько раз пятерку садился в поезд и ехал в Токио.

В последние годы эры Тайсо (1912 — 1926) ведущим журналом становится ежемесячник «Новое течение» (Син-ьо). В 1923 г. на страницах журнала возникает новый орган власти мэтров, так называемый «гаппьокай» — «собрания для коллективных оценок».

Редактор журнала Накамура Мурао, сам писатель, в начале каждого месяца приглашает перворазрядных мэтров в ресторан «Кайракуэн», что в квартале Коисикава, и предлагает всем собравшимся высказываться о произведениях, опубликованных в только-что вышедших номерах журналов. Протоколы этих гаппьокаев публикуются в следующем изде, — привожу текстуально попавшиеся под руку отрывки:

Из 10-го гаппюкая (№ 3 журнала за 1924 г.):

Накамура. — Ну, прошу критиковать рассказ Сато «Записи о бледной луне в окне вагона». Кто читал?

Сато (автор, смеется). — Я внимательно прочел рассказ. Может быть мне покритиковать? Ха-ха-ха!

Токуда. — Эта вещь для женского журнала.

Сато. — Вы хотите сказать, что вещь плоха?

Токуда. — Да, знаете ли, не особенно хороша...

Сато. — Говорите точнее.

Токуда. — Пожалуй, — вы не поработали над ней.

Кумэ. — Но нельзя говорить, что она вульгарна по тону.

Токуда. — Эта вещь принадлежит к числу таких, которые доступны домохозяйкам и гимназисткам. Нехорошее выражение «бледная луна».

Кумэ. — Автор применяет старую сентиментальную манеру. Если бы не было начала и конца, — вещь выглядела бы скучной...

Оттуда же:

Накамура. — Ну, следующим стоит рассказ «Лодырь» Сатоми.

Сато. — Это, пожалуй, «Записи о луне в окне вагона» г-на Сатоми...

Накамура. — Я считаю, что во всех новогодних вещах Сатоми не видно усердия.

Сатоми. — Да, пожалуй.

Все хохочут.

Сатоми. — Целиком согласен.

Накамура. — Все-таки нельзя же быть таким небрежным.

Сато. — Давайте хорошенько обругаем Сатоми.

Тиба. — Из вещей г-на Сатоми этот рассказ, действительно, принадлежит к числу отчаянно плохих. Ужасно неряшливо.

Токуда. — Кумэ, а вы читали?

Кумэ. — Я... как бы вам сказать...

Токуда. — Если прочитаешь эту вещь, даже нельзя критиковать.

Из 31-го гаппюкая:

Рассказ Накадогава «Накануне» (Литературная летопись).

Накамура. — Ну как относительно вещи Накадогава?

Уно. — По-моему, ловко написано.

Накамура. — Очень правдиво, не правда ли? Гораздо правдивее, если сравнить с прежними вещами.

Уно. — Да. Раньше он писал о людях с какой-то странной злостью или ревностью, но теперь этого нет. Вещь очень приятная.

Хироцу. — Я не читал еще, но мой отец очень хвалит. Думаю почитать.

Из 40-го гаппьокая (№ 11 за 1926 г.)

Этот гаппьокай был специально посвящен молодым авторам.

Рассказ Яги Тосаку «Проверка возлюбленной».

Кумэ. — Ничего себе вещь. Мне понравилась.

Фудзимори. — Этот Яги, кажется, был в числе десяти, попавших в число премированных на конкурсе газеты «Дзидзи».

Кумэ. — Вещь старовата по манере, но местами интересна.

Фудзимори. — Кто-то сказал мне, что эта вещь похожа на произведение Уно. А ведь, правда, есть сходство?

Кумэ. — Да, пожалуй.

Кано. — А бывают ли такие случаи, как описанный в рассказе, в действительности?

Кумэ. — Я читал вещь с этим сомнением, но, прочитав, решил, что такие случаи бывают.

Кано. — У меня сомнение осталось до конца. Может быть это и входило в расчет автора. Я никак согласиться с ним не могу.

Уно. — Мне нравится то, что вещь написана очень гладко.

Кано. — До того места, где его окликают на трамвайной стоянке, еще можно соглашаться, но все, что идет дальше — производит странное впечатление.

Уно. — Вначале ведь есть оговорка, что это, мол, странная любовная история. Мне она странной не показалась...

Таката. — Избитые выдумки... ничего интересного...

Кумэ. — Я думал: почему сделана такая оговорка?

Уно (обращаясь к Кумэ). — Ты что-то сегодня очень мягко критикуешь.

Кумэ. — Да, пожалуй.

Профан может подумать, что участники гаппьокая — авторы этих непринужденных, дружески-интимных реплик за чашками зеленого чая попали впросак. Можно подумать, что г. Накамура, предательски собрав мэтров в кабинете ресторана, спровоцировал их на беседу, чтобы дать возможность своим репортерам увековечить безалаберную болтовню литературного генералитета.

Так может подумать только непосвященный. Накамура не думает прятать стенографов, специально приглашаемых из конторы Цукуда; они сидят в углу залы в качестве кабу-

кистских никтошек, и ведущие беседу знают, что стенограмма появится ровно через три недели на страницах журнала, делающего погоду в литературе.

Работают стенографы очень добросовестно, ни одно слово мэтров не пропускается мимо, небрежное, не всегда связное комнатное суесловие (писатели, как правило, ужасно косноязычны в разговорах и алогичны, как светские дамы) благоговейно записывается без всяких поправок.

Никтошки не ограничиваются фиксацией слов. Они протоколируют все жесты, движения и даже мимику прежде родившихся. Вот типичные ремарки из гаппьокайских отчетов:

(все присутствующие некоторое время молчат)

(закуривая папиросу)

(входит г. Уно)

(все время улыбается про себя)

(крутит в руках номер журнала)

(подпирает щеки руками)

(сзади него вертится электрический веер)

(накрывая голову мокрым полотенцем)

Каждый гаппьокай представляет собой своеобразную пьесу, театральную импровизацию; читатели могут в любой гостиной за жаровней разыграть ее, вообразив себя мэтрами на час. Гаппьоккаи вполне заслуживают тщательного и почетительного протоколирования. Потому что на этих вечерах в ресторане «Кайракуэн» создаются репутации и раздаются патенты на славу.

Когда мэтры ругают друг друга, то это делается в шутовском, дружески-фамильярном тоне и эффект отрицательных оценок сходит на-нет, нейтрализуясь улыбками. Мэтры не хотят затевать перебранку всерьез на глазах у всех. Это противоречит Бунсидо, угрожает престижу корпорации мэтров.

Но хвалят они друг друга беспощадно, не скупясь на прилагательные в превосходной степени. Когда-то в Англии смеялись над последователями Россети за «взаимное суесловие». Между наивными прерафаэлитами и токийцами — несколько веков развития рекламной техники.

Классический пример всемогущества гаппыокайских похвал — случай с пьесой мэтра Мусякодзи «Страсть», имевший место до великого землетрясения 1923 года. Приговоры гаппыокаев пересмотру не подлежат. Может быть в тот вечер вместо зеленого чая мэтры выпили коктейль системы «террамото» (землетрясение), стенографы, жалко, не зафиксировали обстановку вечера, но факт остается фактом: большинство участников собрания объявили шедевром нудную, бездарную пьесу Мусякодзи. Один из арбитров даже заявил, что пьеса — «шедевр мировой литературы». Вскоре пьеса вышла отдельной книгой и в течение нескольких дней выдержала несколько десятков изданий. Театр передового режиссера Осаная купил пьесу и с аншлагами проехался по всей стране, в кафе на Гиндзе стали говорить «наш О'Нейль», автор начал репетировать позу для монумента. Сейчас пьесу не помнят даже старожилы литературных кварталов.

Если для мэтров гаппыокай играет роль максимально-действенной рекламы, то для начинающих он имеет такое же значение, как для обер-офицера орден Золотого ястреба. Гаппыокай выполняет функцию контрольной заставы в клан мэтров. Левый критик Ояке сформулировал так: «Гаппыокаи журнала «Синтьо» — это заседания высшего совета мастеров, стоящего на страже интересов цеха литературы».

Козерийный метод гаппыокайской критики вскоре вызвал вереницу подражателей. Не только второстепенные литературные ежемесячники, но и политико-экономические и спортивные журналы завели свои гаппыокаи: журнал «Кайдзо» стал приглашать министров, дипломатов и профессоров на стенографические файфоклоки для бесед на злободневные политические темы; спортивные журналы стали устраивать в конце сезона собеседования для критического анализа бэйзбольных и футбольных команд. Собственным гаппыокаем обзавелся даже журнальчик «Детективный жанр» для критики сыщицких новелл.

Вскоре появляются новые формы гаппыокай: 1) диалогиче-

ский гаппьокай, где выступают только два критика, и 2) цифровой, при котором участники, чтобы не утруждать себя высказываниями, дают оценку произведений по стобалльной системе, в анкетном порядке. Пример: отрывок из отчета о цифровом гаппьокае, проведенном журналом «Диссонанс».

Критикуется пьеса Осанаи—«Ким».

Оценщики		Содержание	Техника	Стиль	Талант	Занимательность	Ценность	Средняя цифра
Писатели	Окада	85	60	50	60	80	70	68
"	Кисо	75	75	70	80	75	78	76
"	Тогава	70	70	65	70	55	66	65
"	Такэкава	91	70	72	71	90	68	77
"	Мамия	60	60	50	70	60	60	60
"	Каван	50	55	60	75	75	75	55
Вывод:								69

После гаппьокай журнала «Синтьо» молодому писателю надо пройти еще один обряд: банкет, устраиваемый в честь автора после выхода его первой книги в отдельном издании, «собрание по поводу вступления нового мэтра в состав цеха» (Критик Оякэ).

В одной из новелл покойного мэтра Кассан, которого японские критики ставили рядом с Бальзаком, дается подробное описание техники устройства этих банкетов. Организационную часть обычно берет на себя издательство, снимает зал в ресторане, рассылает приглашения старшим мэтрам и журналистам, договаривается с фотографом. Издательства включают в договора с молодыми писателями пункт касательно этого банкета.

Получив аттестацию от гаппьокай, пройдя банкетную це-

ремонито и получив заказы от редакций, новый мэтр садится за столик и начинает писать.

О чем?

КРАХ НАДЕЖД

Дипломированная каста интеллигентов ждала в конце 80-х годов XIX века у университетских ворот, когда к ним придут с ключами от столицы и с просьбами занять руководящие посты.

Чтобы скрасить минуты ожидания, ученые литераторы пишут рассказы: на героико-романтические темы — о самоотверженном воине, совершающем сверхчеловеческие деяния; о юноше, отвергшем возлюбленную, чтобы посвятить себя целиком искусству; о вассале, жертвующем своим ребенком ради спасения повелителя; о необычайно-мудром буддийском монахе-отшельнике и т. д. Каждый герой — уникум по части мудрости и сказочных доблестей. Не хотелось думать о будничных вещах.

Неожиданная развязка.

Вместо депутации правительство прислало повестку в канцелярию университета: требуется столько-то секретарей в ведомство почт и телеграфов, столько-то старших драгоманов в консульства, столько-то учителей английского языка в гимназии, столько-то врачей в лазарет для переселенцев на острове Хоккаидо. От торгово-промышленных компаний, акционерами которых состояли те же члены правительства, поступили заявки на несколько дюжин юрис-консультов, товароведов и инженеров.

Университетским интеллигентам «европейцам» было предложено немедленно приняться за исполнение обязанностей спецов и занять места под начальством министров и директоров компаний — бывших самурайских обер-офицеров, мужланов, не могущих прочитать ни одной серьезной книги с латинскими буквами.

Удивление, возмущение, разочарование, обида, высокомерная гримаса и — подчинение. Пришлось убедиться, что

хозяевами страны являются не они, а члены феодально-бюрократических кланов, сблокировавшиеся с ростовщиками и помещиками и вовсе не думающие пускать кого-нибудь к себе наверх.

Они—высшая квалифицированная прослойка интеллигенции—были поставлены в положение культурных иностранцев в своем отечестве.

Некоторые из них, чтобы деть куда-нибудь обиду, начинают по ночам спорить о «кьому-сюги» — нигилизме и читьте Степняка. Дальше споров и любования русскими террористами дело не пошло. Настольный революционный пафос токьоских нигилистов изобразил крупнейший поэт-танкист начала XX века — Исикава Такубоку, Надсон-Есенин японской учащейся молодежи, автор стихотворения «После нескончаемых споров», две последних строфы которого таковы:

Здесь собрались одни только юноши.

Юноши, которые всегда создают новое в этом мире.

Мы знаем, что старики скоро умрут, что мы в конце концов победим.

Смотрите, как блестят наши глаза, как отчаянны наши споры,

Но никто из нас не стукнет по столу кулаком

И не крикнет: «V NAROD!»

О, уже трижды меняли свечи,

В чашках с питьем плавают трупики мошкары.

Молодые женщины еще сохраняют горячность,

Но в их глазах уже усталость от бесконечных споров

И никто из нас не стукнет по столу кулаком

И не крикнет: «V NAROD!»

Большинство же спецовской интеллигенции, более целесообразно используя время, быстро примирилось с положением вещей, заняло позицию антиобщественных, пассивных отщепенцев, решило уйти в глубь себя — подальше от обидавшей их действительности, Исикава зафиксировал в сле-

дующих танках¹ политическое равнодушие и импотентскую
меланхолию обиженных:

Говорят, что крестьяне отказались от сакэ².
От чего же дальше они откажутся,
Если ту же станет судьба?

Как это ни странно, но сегодня
У меня вдруг навернулись слезы, когда ругал парламент
Мне стало радостно от этого!

Пусть кто-нибудь
Пальнет в меня из револьвера!
Хочу умереть, как принц Ито!³

Сто раз написал на песке
Иероглиф «Великий»
И вернулся домой,
Отложив самоубийство.

На песчаном берегу
Маленького острова на восточном океане
Я, совершенно мокрый от слез,
Играю с крабами.

СОКРОВЕННЫЙ АБЗАЦ

Я хочу опубликовать свои рассуждения, рассеять ошибочные
мнения, просветить сочинителей и, подготовив отныне реформу
и прогресс искусства романа у нас, добиться того, чтобы наша
повествовательная литература, превзойдя романы европейской
земли, заблестала на вершинах искусства на ряду с живописью,
музыкой и поэзией.

Восемнадцатого года эры
Мэйдзи, в начале третьего ме-
сяца, у южного окна Весенне-
го дома, кистью вода,
подписал — Странствующий.

Этим абзацем кончается предисловие к книге кандидата

¹ Стихотворение, состоящее из тридцати одной syllaby.

² Рисовая водка.

³ Один из переворотчиков 1868 г., один из главных представи-
телей «юго-западников». Был убит в зените славы корейским
террористом на харбинском вокзале.

словесности Цубоути — «Сокровенная суть романа». Книга вышла в апреле 1885 г. — через месяц после образования «Сообщества друзей тушницы».

Сакральное название книги и высокопарный голос кандидата вполне оправданы. Кандидат Цубоути писал не просто какое-нибудь исследование по поэтике романа, какой-нибудь ученый трактат по прозе, — он писал декалог новой литературы: «Сокровенная суть романа» состояла из десяти глав, которые стали десятью заповедями литературы прежде-родившихся. В учебниках истории новой литературы книга Цубоути почтительно именуется «колоколом на рассвете».

Со всей силой кандидатского красноречия автор расправился с классической японо-китайской поэтикой, которая ставила на первый план метафорический стиль и фабульные ухищрения, доказал преимущества западной техники романа, техники описания.

Центральное место «Сокровенной сути романа» гласит:

Главное в романе — это описание человеческих чувств.

Описание быта и нравов должно идти на втором месте. Нужно докопаться до дна чувств и тщательно описать все потайные углы души. Вот в чем состоят обязанности романиста.

Через несколько лет была начата реализация этого абзаца. Последователи стали проводить этот абзац так безоговорочно, так рьяно, что сам Цубоути, написав только две повести, перестал водить кистью романиста и зарылся в Шекспира и японские легенды. Вождь не смог угнаться за последователями, которые, объявив себя «натуралистами», решили оставить позади себя европейских психграфов.

Абзац лег магическим заклятием на всю литературу университетских мэтров. Литература превратилась в выставку психографических упражнений, психоаналитических протоколов, коллекцию опытов описания потайных углов микрокосма самих авторов и их близких знакомых.

Возникает понятие «высокой» литературы.

От абзаца Цубоути начинается черта, которая разделила японскую литературу на «высокую» и «низкую».

«Высокая» — для отборных интеллигентов, которые должны читать литературные произведения с такой же серьезностью, с какой они читают при помощи словарей европейские книги по специальности. Они должны читать произведения «высокой литературы» для поддержания интеллигентского престижа, а не для поисков занимательности.

«Низкой литературой» (тэйкю-бунгаку) мэтры называли ту литературу, которая, сохранив преемственность от сочинителей токугавской эпохи, становится выразительницей психо-идеологии хозяев феодально-капиталистической монархии.

Авантюры странствующих самураев, поединки на мечах и пиках, вендетта, смерть за сюзерена, демонстрация «Бунсидо» во всех комбинациях, необычайные похождения японских юношей на вновь открытых океанских островах, мелодрамные истории из жизни токугавских обывателей. Весь ассортимент героев, требуемых империи. После японо-китайской войны провозглашается необходимость создания так называемой «озаряющей беллетристики»¹ с строго определенной тематикой: 1) оптимизм, воинственность и великодушные японцев, 2) патриотизм, преданность государству.

Развитие «низкой литературы» в роли оформителя эмоций бандзай-шовинистов идет параллельно с линией роста «высокой литературы» на протяжении всех десятилетий XX века.

«Низкая литература» не выдвинула из своей фаланги ни одного Киплинга, ни одного классного мастера. Ее кадры составлялись из бульварных сочинителей без всякой литературной квалификации. Мэтры дали правильный — с точки зрения литературной техники — эпитет этой литературе и были вправе решительно отгородиться от нее.

«Высокая литература» становится ведущей литературой и монопольно закрепляется во всех первоклассных литературных и политико-экономических ежемесячниках.

¹ Комэй-сьосэцу (см. Такасу — «История Мэйдзи и Тайсё»).

Заботы о занимательности, сюжете, высокопарной стилистике объявляются признаком низко-литературного тона.

Мэтр Тойосима заявил: «Чем выше писатель, тем легче он может писать вещи без сюжета. Писатели, которые не могут писать беллетристических вещей без «происшествий» не могут считаться хорошими. То, что писатели стали описывать исключительно душевные переживания, надлежит считать достижением японской литературы».

«...если смотреть с точки зрения «чистоты», с точки зрения отсутствия элементов вульгарной занимательности, то рассказы, в которых нет «рассказа о чем-нибудь», — самые чистые, выдержанные рассказы», — декламирует мэтр Акутакава.

Линия горизонта высокой литературы была четко проведена вдоль границ микрокосма.

Мэтры повторили токугавский бойкот окружающего мира и наложили табу на все вокруг.

Страна неслась сумасшедшими темпами, пробегая вприпрыжку путь, проделанный белыми от машин Аркрайта: «Декларации прав человека и гражданина» до Моргана-старшего и одиннадцатидюймовых мортир.

Однажды вся иностранная колония Токио широко открыла глаза, весь город украшается красными фонарями, в воздух пускаются тысячи ракет, публикуется конституция, через год зафункционарировал парламент, продавцы газет забегали с криками о смене кабинетов, Мицуи и Мицубиси начинают коллекционировать заводы и рудники, в полиции сняли первый допрос с Окуномия, вожака союза двуногих лошадей-рикш, молодой ученый Катаяма засел за сочинения о Лассале.

Сто двадцать второй по счету император впервые в истории Японии августейше посетил театр, на угольных копиях острова Кюсю началась буза, в Сеуле японские солдаты ворвались во дворец корейского короля и излечивали королеву

в убогих деревенских школах зажёглись электролампы, землетрясение разрушило в один день 225 000 домов (1891 г.), через два года 10 000 домов, ещё через два года — 13 066.

А высокие мэтры, закрыв глаза, зажав уши, твердили:

главное в романе —
это — быта и нравов —
итти на втором —
докопаться до дна чувств —
потайные углы души.

Япония начала держать экстерном экзамен на звание державы: полки со знаменами, на которых солнце изображено в виде многоногого краба, захватывают после трех побед весь юг Манчжурии, флот китайского императора запирается в бухте и истребляется, адмирал Дин вешается, англичане выдумывают слово «джингоизм» по имени полумифической японской императрицы, первая стачечная победа железнодорожных машинистов.

А мэтры пишут:

Одзакки.—«Много чувств, много горя» — профессор теряет жену, переезжает к другу, мучается от воспоминаний, переезжает обратно, чтобы его не заподозрили в флирте с женой друга — длинный роман.

Хироцу.—«Самоубийство в Имадо» — гейша любит одного, отвергнутая, решает умереть, уговаривает любимого.

Хигутти.—Итйю.—«Кто выше» — как растут вместе мальчик и девочка, как они меняют отношение друг к другу.

Огури.—«Ночная пудра» — описание кровосмесительной любви брата к сестре.

В 1902 г. декларация «социал-демократической рабочей партии Японии», требующей упразднения всех вооружений, национализации частного капитала и земель; из-за корейского рынка, из-за фунцуньского угля и манчжурских бобов, из-за камчатской семги, ради прекрасных глаз Квантунского полуострова начинается война с «росукэ», адмирал Макаров и художник Верещагин взлетают на воздух и тонут в воде, появляются кровавые лужи на манчжурской карте: Тюренчен-Вафангоу-Ляоян-Шахэ-Мукден, по всей Японии буддийские панихиды, генерал Ноги жертвует двумя

сыновьями-офицерами, капитан Хиросэ, беспробудный пьяница петербургских салонов до войны, тонет на брандере у входа в Порт-Артур и выплывает вскоре, облицованный медью, на одном из перекрестков Токио, Стессель сдает саблю «макакам», ночные манифестации с бумажными фонарями на всех островах империи, 27 мая 1905 г. две русских эскадры опускаются на дно пролива, чтобы через двадцать семь лет прославить Алексея Силыча, мир в Порт-смуте, толпа в Токио, недовольная условиями, разносит 140 полицейских будок, 38 зданий, 10 храмов, убивает и калечит 471 полицейского.

А мэтры:

Хасэгава. — «Посредственность» — мелкий чиновник влюблен, чувствует свое ничтожество, терзается, ноет.

Нагаи Кафу. — «Цветы ада» — молодая гувернантка в аристократической семье, история падения.

Таяма Катай. — «Постель» — пожилой педагог влюбляется в молодую ученицу, прокрадывается к ней в спальню, нулинская ситуация, но без пощечины.

Один не выдержал и выступил с категорическим советом своим коллегам начать изучение социологии и политэкономии — профессор филологии Такаяма Тьогю. Он заявил:

«Большинство нынешних писателей очень молоды, имеют скудную биографию...»; «большинство их героев являются юношами до тридцати лет, как и сами литераторы, причем эти герои, ведя жизнь, сходную с авторами, не представляют интереса для широких кругов читателей»; «такие романы могут удовлетворить только часть учащейся молодежи».

Он придумал эпитет для замкнувшейся в своем квартальчике литературы мэтров: «Мукосангэнрьоринтэкина» — шесть слов по-джойсовски склеены в одно, переводится так: «Трехдомовнапротивсоседейдухная литература».

Маленькое азиатское государство — чонкиначонкинахаракирифудзияма (в первом издании «Британской энциклопедии» статья Ялосса о Японии состояла всего-навсего из два-

дцати четырех слов) — получает титул «POWER» — ранг великих, принц Ито — однолетка гончаровского Нарабаяси, едет отбирать корону у корейского императора-опиеку-рильщика, рудокопы в Асио-трест Фурукава режут провода, сжигают контору к чортовой матери, бомбы, полиция разбегаются, рудокопов атакуют три роты такасакского пехотного полка, через два месяца 1200 углекопов в Бэсси-трест Сумитомо подпаливают здание правления, костер из бухгалтерских томов, командируют нескольких полицейских чинов к прадедам императора, вызывают мобилизацию 11-й пехотной дивизии, правительство генерала Кацура приступает к конфискации всех книг со словами «сякаи» — «общество, социальный», запрещается даже научная книга «Социальная жизнь насекомых», хозяева пяти концернов посвящаются в бароны, заговор анархистов, аннексия Кореи, смерть Ито на платформе харбинского вокзала, обожествление императора Муцухито, самозаклание генерала Ноги, забастовка всех трамваев в Токио, кривая роста хлопчатобумажной продукции: 414 000 кип в 1903 г. — 1 517 000 кип в 1913 г.; за тридевять земель начинается война, японская дивизия отправляется на Шаньдунский полуостров спасать Париж и Лондон, империя теряет за всю войну двести солдат убитыми, но увеличивает золотой запас в шесть с половиной раз, подвалы японского Госбанка набиваются до оказа европейским золотом, в Токио открываются шесть новых кварталов любви, в 1917 г. среди токийских разносчиков рыбы появляется мода носить золотые часы на руках, цена шелковых отрезов в универмаге Мацую достигает до 1 500 эн, офицеры-генштабисты начинают чертить карту Великой Континентальной Японии и мечтать об ухе из только-что выловленных байкальских омулей.

А метры пишут, пишут, пишут —

о потайных углах души,
докапываются до дна чувств
и, наконец, доходят до сокровенной сути —
провозглашают эгобеллетристику.